

© 2003 г. В. Л. ЦЫМБУРСКИЙ

ЭТНО- И ЛИНГВОГЕНЕЗ ТРОИ КАК ПРЕЛОМЛЕНИЕ ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ ПРОБЛЕМЫ

(К 75-летию со дня рождения Л.А. Гиндина)

На протяжении всего научного пути Л.А. Гиндина (25.07.1928–23.04.1994) этноязыковые судьбы Троады – региона на стыке Анатолии и Балкан, Эгеиды и Причерноморья – оставались предметом его неслабеющего интереса. Он был уверен, что история страны, воспетой Гомером (тут явно сказывалось образование филолога-классика), способна дать ответ на многие вопросы, связанные с индоевропейской прародиной, диалектным членением индоевропейской общности и миграциями ее народов. Приближающийся юбилей ученого – достойный повод обсудить его достижения в этой области. Тем более, что для этого есть и более частный стимул – вышедшая посмертно в Иннсбруке монография Л.А. Гиндина "Троя, Фракия и народы древней Малой Азии" [Gindin 1999], которая знакомит немецкоязычного читателя с содержанием двух книг автора, опубликованных по-русски в 1981 и 1993 гг. – соответственно, в Софии и в Москве [Гиндин 1981; 1993]. Законченная весной 1992 г., эта монография была призвана подвести итог многолетним исследованиям ученого по этно- и лингвогенезу Троады и соседних с нею территорий по обе стороны проливов – каким этот итог тогда ему виделся. Из-за многих причин, освещенных в послесловии В. Майдом [Gindin 1999: 320–324], редактирование перевода и выпуск труда затянулись на семь лет. Сегодня этот итог исканий Гиндина предстает несколько иначе в свете наших с ним совместных статей о прагматическом присутствии в Троаде с конца III тыс. до н. э., написанных в последние месяцы перед внезапной кончиной Леонида Александровича [Гиндин–Цымбурский 1994; 1995]. Впрочем, значения книги "Троя, Фракия и народы древней Малой Азии" это обстоятельство не умаляет: надо учесть, что на Западе нет сравнимых по охвату материала работ, где бы лингвистическая история Трои воссоздавалась в столь большом контексте индоевропеизации Анатолии, Эгеиды и Балкан бронзового века.

Мое участие с 1980-х гг. в троянских разысканиях Гиндина в качестве собеседника и, временами, соавтора определило установку предлагаемого обзора. Я хотел бы показать читателю логику исследовательского процесса, предварительно подытоженного иннсбрукской монографией, но ею не исчерпанного. В нем можно выделить три фазы, из которых рецензируемая книга вполне освещает первые две. Каждая из этих фаз знаменовалась разработкой особого этноязыкового образа древней Троады. Впрочем, как бы ни разнились от фазы к фазе эти тщательно прописываемые образы, характерно для Гиндина было то, что при каждом новом повороте мысли старые тезисы почти никогда не отбрасывались – но вводились в новую картину на правах аспектов уточняемой истины или диахронных звеньев реконструкции, в целом увязывающей факты в исторический гештальт каждый раз существенно иначе, с иными акцентами, чем это делала предыдущая версия. Показать, как осуществлялись эти межфазовые переходы в осмыслении исследователем истории города Трои, как они взаимодействовали со все более детализируемой трактовкой процессов ин-

доевропеизации в регионах, стыкующихся через Троаду – в этом основная цель моего обзора.

В 1970-х позиция Гиндина среди его старших современников и просто современников, высказывавшихся по троянской проблематике, была однозначна до жесткости: вразрез со сторонниками идеи "греческой Трои" (К. Блеген и на рубеже 50–60-х гг. – Дж. Меллаарт) или "Трои хетто-лувийской" (В. Георгиев, Л. Палмер, с 1962 г. – Дж. Меллаарт, а в СССР тех лет – В.В. Шеворошкин и в какой-то мере Вяч.Вс. Иванов) он отстаивал видение гомеровской Трои как города, примыкающего к миру ранних фракийцев.

При этом он ссылался на такие неоспоримые языковые соответствия, как: 1) Σκαίαι πύλαι 'Скейские ворота' в гомеровском Илионе (II. III, 145, 263 и др.) ~ во Фракии гидроним Σκαῖος ποταμός, кастель Σκαῖον τεῖχος, племя Σκαῖοι, вар. Σκαῖ-βῶαι < фрак. *Skai-wa- с возможным значением 'светлый'; 2) топонимы в Троаде Κεβρήν, Κεβρήνια, этноним Κεβρήνοι, также имя одного из сыновей Приама Κεβρή-όνης (II. VIII, 318 и др.) ~ племя Κεβρήνιοι в Эгейской Фракии, далее название реки Κέβρος в бассейне Дуная; 3) троянск. Περκώτη, город с гаванью на побережье, обращенном к Фракии ~ старинное наименование Фракии Πέρκη (St. Byz. s.v. Θράκη) < и.-е. *perkʷa 'лесистая страна'; 4) Ζέλεια, местность на северо-востоке Троады ~ фракийские глоссы: ζελας, ζήλας, ζίλαи со значением 'вино' < и.-е. *gʰel(H)-yo-/*gʰh(H)-yo-, ср. др.-инд. hāla 'вино', греч. χάλις 'молодое вино', слав. *zelje. Древнейший уровень в истории фрако-троянской общности должны были, по Гиндину, отражать сами названия Трои (гом. Τροία, ион. Τροίη, дор. Τρώϊα) и троянцев (Τρῶες) с этимологической основой *Trous-. Он доказывал, что это – та самая основа, служившая исходным обозначением прафракийских этносов, которая с балканско-фракийским переходом -oi- > -ai- и общегреческим дописанным развитием -s- > -h-, дала в греческом собирательный термин Θράκες, Θράίκες < *Trous-ik- 'фракийцы', а во Фракии сохранилась как название большого племени Τραυσοί, Thrausi. На этой, первой ступени своих троянских штудий Гиндин создает образ Трои как страны, некогда самим своим именем включавшейся в "Пра-Фракию". Обратим внимание на то, что наименование фракийцев и троянцев в греческом характеризуются устранением этимологического интервокального -s-, домикенским явлением, которое должно быть отнесено, самое позднее, к первой половине II тыс. до н. э. При этом этноним Τρῶες несет более древний вокализм по сравнению с Θράίκες. Выходит, ко времени знакомства с ранними греками племени на противоположных сторонах проливов уже звались по-разному, генетически тождественные имена разошлись в своем звучании. Эти обстоятельства склоняют к тому, чтобы условно датировать предполагаемую фрако-троянскую общность в ее древнейшей форме – III тыс. до н. э., эпохой ранней бронзы [Гиндин–Цымбурский 1996: 214].

Подкрепляющими археологическими доводами в пользу фракийской идентичности троянского региона Гиндину служили как облик последней догреческой Трои VПb2 (середина XII – начало XI в. до н. э., по К. Блегену) с ее культурой "фракийского гальштатта" [Čiđikova 1971; Dimitrov 1971], так и результаты раскопок Н.Я. Мерперта и его болгарских коллег, открывших во Фракии раннебронзовые поселения Эзеро и Юнаците [Георгиев–Мерперт 1979; Мерперт 1988; Гиндин 1993: 135–140]. Ведь эти раскопки, во-первых, показали родство Трои I–II, а также соседних с нею эгеостровных культур III тыс. до н. э. на Лесбосе и Лемносе (Терми, Полиохни) – континентальным восточнобалканским культурам (те же Эзеро и Юнаците, Караново VII, Михалич), возникшим несколько раньше во второй половине IV тыс. до н. э. и относимым М. Гимбутас к так называемой "Курганной волне III" [Gimbutas 1974]. А во-вторых, для Юнаците археологи показали культурную непрерывность от начала бронзового века до прихода века железного. Когда Л.А. Гиндин, вслед за Блегеном отождествляя "Трою Лаомедонта и Приама" с археологическими Троей VI–VIIa (XVIII–XIII вв. до н. э.), призывал трактовать эти слои как эволюционное связующее звено между раннебронзовым "прафракийским" городом и слоем "фракийского

гальштатта" [Гиндин 1981: 188], – он, по сути, экстраполировал на этот край характерную для некоторых районов Фракии хронологическую континуальность населения и культуры. При этом в пренебрежении пока оказывались те археологические показания, которые для Трои ставят подобную преемственность под вопрос или прямо ее оспаривают. Они попадут в фокус интересов Гиндина позже, в увязке с языковыми данными, также не вполне укладывающимися в идеальный образ "фракийской Трои".

Впрочем, повторяю, от своего "фракийского тезиса" ученый никогда не отказывался, от книги к книге обогащая первоначальную картину все новыми деталями. В своих работах 90-х годов он то и дело обращается к гомеровской "генеалогии Энея" (П. XX, 215–240), сплошь состоящей из легендарных имен, либо запечатленных в восточнобалканских топонимах, либо восходящих к ним [Gindin 1999: 136; Гиндин 1993: 37–38]. В нашей книге "Гомер и история Восточного Средиземноморья" [Гиндин–Цымбурский 1996: 197–198] специально обсуждался важнейший контекст П. II, 835–837, где во владения вассального Приаму троянца Асия Гиртакида наряду с собственно троянскими городами включается г. Сест (Σηστός) на противоположном европейском берегу Геллеспонта: Троя Гомера как бы перешагивает через пролив в Эгейскую Фракию и обе его стороны оказываются под троянским контролем – это при том, что море, омывающее троянское побережье, зовется в П. XXIII, 230 "фракийским морем"¹.

Но важнее то, что с середины 80-х гг. Л.А. Гиндин шаг за шагом расширяет свой "фракийский тезис", распространяя его и на вклад в троянскую историю, внесенный такими балканскими племенами, которые едва ли могут быть причисляемы к фракийцам в собственном смысле. В поздних работах он много внимания уделяет дарданцам (Δάρδανοι, Δαρδάνιοι) – центральнобалканскому этносу неясного лингвистического статуса, когда-то, в книге 1981 г., вынесенному им за рамки обсуждения в силу часто предполагаемого для дарданцев "иллиризма" [Гиндин 1981: 123–124]. Между тем, в античное время наглухо отрезанные от Эгеиды пеонийцами и македонцами дарданцы в какую-то более раннюю эпоху оставили заметный след на троянской земле – в местных названиях Δάρδανος, Δαρδάνια, в мифическом образе Дардана – якобы предка троянских царей. Традиционно данный этноним, как и родственное название двух кастелей Δαρδά-лара в балканской Дардании и в Верхней Мезии сближаются с алб. *dardhë* 'груша', широко представленным в албанской топонимике [Tomaschek 1980 I: 25; Meyer 1891: 61; Çabej 1977], а *dardhë* как возможное продолжение **g'horda* многие этимологи роднят с греч. ἄχερδος, вар. ἄχράς, ἄδος 'дикая груша' [Mayer 1959: 33; Frisk 1960–1970, I: 109, 203; Pokorny 1959: 446]. Занимаясь дарданцами [Гиндин 1993: 18; Gindin 1999: 81–83], Гиндин принял мое доосмысление данной этимологии, связующее и греч. ἄχερδος/ἄχράς < и.-е. **sm-g'herdo* / **sm-g'hṛd-*, и алб. *dardhë* < и.-е. **g'hordā*, как названия для колючего насаждения (см. Od. XIV, 10, где ἄχερδος фигурирует в виде изгороди, окружающей дом свинопаса Эвмея) с основой, представленной в литовск. *žardas* 'загон', 'сушильня для льна, зерна, гороха', *žaidis* 'стойло', 'огражденный выгон', др.-прусс. *sardis* 'изгородь', лтш. *zards* 'сушильня', русск. диал. *зород*, *озород*, может быть в записях фригийского топонима *Mane-zardum*, *Mane-zordum*, если они на самом деле отражают некий сатемный эквивалент к фригийской форме *Mane-gordum* 'Город Манеса' [Pokorny 1959: 444; Kretschmer 1896: 231–232]. Такая реконструкция [Цымбурский 1987: 6–7; 1996: 285–286] позволяла по-новому объяснить приводимую Г. Мейером [Meyer 1891: 61] албанскую диалектную форму *dardhán* 'крестьянин', курьезно понимаемую

¹ Фрак. Σηστός относится к длинному списку фрако-(славяно)-балтийских изоглосс, ср. др.-прусс. *Sestin*, *Seestin* [Топоров 1977: 96], далее такие образования, как литовск. *pasėstas* 'сидение', слав. **nasěstь*, **prisěstь*.

им в смысле 'Vignbaumzuchter' на самом деле в *dardhan* можно бы видеть древнее обозначение для 'жителя огражденного места'/хуторянина', работника, трудящегося внутри ограды' (литовск *žařdininkas*) Это понимание не только давало бы неплохой смысл для др.-балк. *Δαρδανοί*, *Δαρδανίοι*, но перекликалось бы и с гомеровским рассказом о Дардане – строителе некой Дардании как первого троянского поселения, якобы существовавшего еще до основания Илиона (II XX, 216–217)² Однако включая материал, относящийся к дарданцам в иннсбрукской книге, как и в предыдущей московской [Гиндин 1993], в раздел "Троянско-фракийских изоглосс (что в 1981 г. он полагал невозможным), Гиндин исподволь модифицирует понятие 'фракизма' как культурно-лингвистическую характеристику Троады. Этот "фракизм", по сути, становится просто синонимом вовлеченности региона в судьбы Северо-Восточных и Центральных Балкан – с вытекающими отсюда этнокультурными и лингвистическими следствиями.

Еще нагляднее другой случай. Если в 1981 г., разбирая гомеровский эпизод битвы Ахилла с явившимся на помощь Илиону пеонийским войском (II XXI, 124–384), Гиндин делал упор на гипотезу Д. Дечева о пеонийцах как "иллиризированных фракийцах" [Гиндин 1981: 120–121], то позднее его мнение о пеонийцах резко меняется. Исходя из их соседства на Балканах с областью бригов – остатков перебравшихся в Анатолию фригийцев – и из доказанности теснейшего армяно-греческого и фригийско-греческого языкового родства [Solta 1960, Neumann 1988, Гиндин–Цымбурский 1995], он не только вслед за В. Георгиевым и О. Н. Трубачевым [Георгиев 1958: 171, Трубачев 1991: 225] сближает пеонийские этникины *Παι-ονες*, *Παι-ονλοι* с армянским самоназванием *hay-k'*, но прямо пишет о пеонийских племенах как о возможном балканском реликте праармян [Гиндин 1999: 233–236, ср. Гиндин 1993: 82–85]. Как ни относиться к этой гипотезе (см. впечатляющую изоглоссу греч. *ερεβος* 'мрак' ~ арм. *erek* 'сумерки, вечер' ~ пеонийский гидроним 'Εριϋων, совр. серб. *Црна река* 'Черная река' < и -е **ereg* 'о' на фоне индоевропейских отражений той же основы без протезы в гот. *riqis* 'мрак', др.-инд. *rajas* 'мгла'), несомненно одно: новый взгляд на пеонийцев вписывался в реформирование исходного "фракийского тезиса". Теперь ученым допускалось, что глубокое воздействие на традицию Троады могли оказать народы, в разные эпохи присутствовавшие на Северо-Восточных ("фракийских") Балканах – пусть даже миновавшие этот ареал на пути к своим историческим местам обитания.

Именно такое переосмысление идеи "фракийской Трои" позволило Л. А. Гиндину открыть вторую фазу своих троянских изысканий, отмеченную нетривиальным истолкованием темы 'лувийцев в Троаде'. Эта тема стала для него по настоящему приемлема тогда, когда его представление о 'фракийской Трое' уже настолько модифицировалось, что "Троя лувийцев" ему могла увидеться естественным эпизодом в истории этой земли как части 'Пра-Фракии'. В 80-х гг. наше научное сотрудничество уже было весьма тесным, и я надеюсь избежать упреков в нескромности, если укажу, что в известной мере поводом этому повороту мысли Гиндина послужили три наблюдения, которые я сделал в кандидатской диссертации, написанной под его руководством³.

² Нельзя упускать из вида, что имя троянских дарданцев (*D rdny*, *Dr dny*) засвидетельствовано в кадешских надписях Рамсеса II, перечисляющих вспомогательные отряды хеттской армии Муватталиса II [Gardiner 1960: 57]. Приходится задумываться над вероятностью того, что уже во II тыс. до н.э. какие-то из балканских диалектов могли подобно позднему албанскому отражать этимологический **g h* как зубной смычный или акустически близкий к нему межзубный спирант (типа алб. *dh*).

³ В те же годы гипотезу лувийской Трои на более скудной фактической базе пытался возродить К. Уоткинс, ссылаясь на мотив прихода из высокой Вилусы (хетт. лувийское обозначение Илиона) в лувийском ритуале жертвоприношения богу Сувасуна [Watkins 1986].

Первоначальный гиндинский образ "фракийской Трои" не предполагал древних контактов фракийцев с хетто-лувийскими племенами на этой земле. Самое большее – не исключался вторичный миграционный инфильтрат из исторических хеттских и лувийских областей Анатолии в Троаде, возможно, ответственный за такие известные переклички, как троян Приодос, имя-титул царя Илиона ~ лувийский ономастический элемент *Prijata*, 'Первый, Лучший' или Перуаца, название троянского акрополя ~ хет *parkus* 'высокий'. Такое мнение было пересмотрено, когда открылось, что имя гомеровского персонажа, пришельца из Фракии в Трою и грозного камнеметателя Πειρος < **Perwos* (II Π, 544–545, IV, 517–544), товарища вождя Акаманта, в чьем облике у Гомера выступает "фракийский" Арес (II V, 461 и сл.), генетически идентично хет-лув ^d*Pirwa*, имени конного бога, почитавшегося хеттами и лувийцами на скалах и возвышениях (< хет *pirwa*, *peruna* 'скала, камень') [Цымбурский 1987: 9–11, Гиндин–Цымбурский 1996: 252–260]. Патроним же Пейроса Πειρασιδης (как Гиндин, вслед за А. Гетце, отметил еще раньше, не вдаваясь в этимологию имени героя) соотносится не только с названием близкого к Троаде острова Имброса и эпиклезой его покровителя Гермеса Имбраса, но и с лувийскими наименованиями божеств сельской местности (лув *immarā* ~ хет *kimmara*) DINGIR MEŠ *Imrašši*, ^d*Immaršiya* [Гиндин 1981: 106–110]. В свете же родства имени Пирвы с именами индоевропейских божеств грозы – славянского Перуна и т. д. – особую значимость приобретает параллелизм имен гомеровско-фракийского Пейроса Имбрасида и одного из лувийских грозовых божеств – Полевого Бога Грозы **Tarhunts Imrassis* (KUB XXXV 54, II, 35 / 37 *imrašša* ^dIM-untī). Дело в том, что за именованием Пейроса Имбрасида проступал раннелувийский прототип вроде **Pirwas Imrassis*, который мог быть древнейшим прообразом имени Полевого Тархунта. В данной формуле старый индоевропейский теоним оказался замещенным анатолийским новообразованием со значением 'Бог-Герой, Победитель'. Открытие пережитка образа Пирвы на Геллеспонте, да еще в характерно (пра)лувийском формульном воплощении стало свидетельством пребывания здесь пралувийцев и их древнего адстратного вклада в традицию ранне-фракийских обитателей этого края.

Кроме того, на проблему "лувийской Трои" прямоком выводила история одного легендарного троянского этноса, согласно Гомеру, обитавшего некогда на северо-востоке Троады в районе Зелей. Эта область зовется в "Илиаде" Λυκίη (V, 105, 173), а у схолиастов Гомера фигурирует как Λυκία Μικρά, Λυκία Τρωική, 'Малая Ликия, Троянская Ликия' (подробный обзор источников см. в [Гиндин 1993: 48–53, Гиндин–Цымбурский 1996: 234–236, Гиндин 1990, Гиндин 1999: 203–207]). Хотя уроженцы этой местности у Гомера никогда не смешиваются с южными ликийцами, но подчеркнуто именуются Τρῳες (II, II, 847, V, 200), однако эпическая ономастика этой области насыщена ликийскими мотивами: там правит царь Λυκάων (< лув **Luka wala* 'уроженец страны Luka'), там почитается Аполлон Λυκτ-γενής 'рожденный в области Λυκτ' (II IV, 101, 119). Еще в 1984 г. [Цымбурский 1984] я соотнес эти показания эпоса с известным фактом – появлением в середине I тыс. до н. э. в южной Ликии, наряду с обычными надписями на так называемом ликийском языке А (его обитатели сами себя звали *trīmili*, греч. Τερμίλοι, Τρεμίλοι), также текстов на особом архаическом наречии той же лувийской семьи – ликийском В, который в самих этих текстах характеризуется выражением *trujeli* 'по-труйски, на языке области Труя'. За именем термиллов скрывается древний этноним **Atrim-ileš* от названия области *Atrim(m)a*, одного из территориальных образований, размещавшихся в хеттскую эпоху на землях будущей Ликии [Sapota 1964: 287]. Тем самым термилы с их языком имплицитно укоренены в истории Юго-Западной Анатолии. Для носителей же "труйского" языка мы не имеем таких указаний, а попытки присвоить ему имя "милийского" и связать его со старым названием части Ликии – Милиада – совершенно произвольны. Я высказал догадку о том, что "труйцы" могли исторически представлять собою выходцев из Троянской Ликии, зелейских Τρῳες – племя, оставившее по себе прочную память вблизи Геллеспонта, а в эпоху больших миграций

конца II – начала I тыс. до н. э. перебравшиеся в южную Ликию, поближе к этническим сородичам. Правдоподобно, что именно "труйцы" перенесли на крупнейшую ликийскую реку *Arñña* (~ хет. *arinna* 'источник') со стоящим на ней одноименным городом – столицей региона – название *Ἔρνθος*, известное как второе имя главной троянской реки Скамандра. Вследствие этого переноса топонима южной Ликии обрела ощутимый троянский колорит [Цымбурский 1984; 1987а: 15–16; Гиндин–Цымбурский 1996: 240–245].

В том же 1984 г. на нас с Гиндиным произвела большое впечатление статья Л.С. Баюн [Баюн 1984], показавшей, что глагольная редупликация в ликийском В противопоставляет настоящее время прошедшему. Эта особенность, выделяя ликийский В среди иных хетто-лувийских языков, явственно сближает его с языками "аугментной" общности – индоиранскими, греческим, что могло бы говорить о длительном пребывании его носителей на дальней окраине хетто-лувийского ареала в контакте с народами, говорившими на "аугментных" языках. Позднейшие наши статьи о прагреках в Троаде подтвердили мысль о том, что подобный контакт с конца III и на протяжении II тыс. до н. э. вполне мог осуществляться именно в троянском регионе.

Третье наблюдение касалось гомеровских воспоминаний о киликийских городах на юге Троады и об их разрушении ахейцами в ходе Троянской войны (II. I, 366–368, VI, 415–428). В этнониме киликийцев, греч. *Κίλικες*, благодаря его ассирийским фиксациям с IX в. до н. э. в виде *Hilaka*, *Hilaku* (ср. также арамейск. *hlkyn*) может быть вычленена та же основа *Hil(a)-*, что представлена в хет. *hila* 'двор, в том числе храмовый', *hilamar* 'привратная постройка', лик. А *qla* 'храм, святилище', в древнеанатолийских личных именах *Hilya*, *Hilani* и т. д. Теоретическая возможность истолковывать имя киликийцев в смысле 'племя, обитающее возле храма, священного двора', 'племя храмовников' разительно актуализируется в условиях Троады, где, по преданию, киликийские города размещались вблизи Киллы (*Κίλλα*), крупнейшего троянского святилища Аполлона, чтимого здесь под эпиклезой "Киллей" (*Κίλλαῖος* – Strabo XIII, 1, 61–63). Отождествимость троян. *Κίλλα* как названия культового центра с хет. *hila*, лик. *qla* прочно соотносит внутреннюю форму имени центрально- и южно-анатолийских киликийцев (*Hilaku*) как 'храмовников' с реалиями Троады [Цымбурский 1987: 16–17; Гиндин–Цымбурский 1996: 264–268].

В основном приняв мои соображения, Л.А. Гиндин ввел сведения о лувийских этносах на троянской земле в долгосрочную ретроспективу анатолийской истории и археологии. При этом дополнительной эвристикой ему послужила некогда выдвинутая П. Мериджи, а затем одобренная Э. Ларошем, О. Каррубой и Г. Нойманном мысль о том, что собирательное обозначение лувийских племен и областей в хеттскую эпоху – *Lu(wi)ya* – представляет преобразование более старой формы *Lukka*, выступавшей во II тыс. до н. э. названием группы стран на малоазийском юге, а позднее сохраненной в античных обозначениях Ликии и Ликаонии. Ссылаясь на факты спирантизации и выпадения *-k-* в лувийском, вроде хет. *lukka-* 'свет' : лув. *luha-*, хет. *šakuwa* 'глаз' : лув. *dauwa*, Гиндин расценивает *Luk(k)a* как племенное имя пралувийцев. И след этого праэтнонима он усматривает в зелейских формах *Λυκάων*, *Λυκηῦνής* у Гомера, отражающих именно звучание *Luka-*, а не греческое *Λυκία* [Gindin 1999: 196–223] (ранее [Гиндин 1990; 1993: 45–65]).

Эти языковые факты ученый сопоставляет с археологически документированной мощной миграцией со стороны Троады (примерно 2400–2100 гг. до н. э.) в места будущего расселения лувийцев – в Киликию с Тарсом, в долины Коньи, где пришельцы насаждают вариант культуры Трои II [Mellaart 1958: 28–30; Маккуин 1983: 23–25; Mallory 1989: 28–29]. По мысли Гиндина, разделяемой и мною, у себя за спиной переселяющиеся (пра)лувийцы оставили в Троаде отколовшиеся контингенты соплеменников, в том числе и группу *лукка*, осевшую в предгорьях Иды и усвоившую себе имя "троянцев". Это и могли быть те самые зелейские *Τρῳεες*, которые позднее принесли "труйский" язык на юг в долину Аринны-Ксанфа (см. этот сюжет в: [Gindin

1999: 201–211, 303], ранее в нашей общей книге [Гиндин–Цымбурский 1996: 229–240, 270]).

Эту реконструкцию подкрепили архаичные лувийские топонимы в районе Зелей. Таково, прежде всего, название взгорья Περωσσός, где в VII–VI вв. до н. э. справлялись традиционные охоты лидийских царей (Strabo III, 1, 17) < **Perwossos* ‘местность, посвященная Пейросу-Пирве’ ~ лув. *Pirwaššali* ‘принадлежащее Пирве’. Таким образом, тема “Пирвы на Геллеспонте” оказалась прочно увязана с темой продвижения племен *лукка* (пралувийцев) в Троаду. Тем более, что в устье Гебра вблизи г. Эноса, мифической родины гомеровского Пейроса Имбрасида (II. IV, 520) лувийский след обнаруживается в названии двух мысов: Σαρπη-δών – лув. *šarpa/i* ‘поверх’, лид. *šrfas-tid* ‘верхнее’, хет. HUR SAG *šarpa* ‘гора Высокая’⁴ – и рядом Σέρρειον, *Serrium* ~ лув. *šarri* ‘сверху’, хеттское имя *šarriya* ‘Высокий’ [Цымбурский 1987б: 64; Гиндин–Цымбурский 1996: 261]. Можно вспомнить также и прозвище зелейцев Τρῳεὺς ἄφρνεοι (II, II, 825) или просто Ἀφρνεοι (Strabo XIII, 1, 9), образованное от хет.-лув. *happina* ‘богатство’ > греч. ἄφρεος то же [Гиндин–Цымбурский 1996: 238].

Все эти результаты Л.А. Гиндин в начале 90-х попытался применить при реконструкции расселения индоевропейских племен в Северном Причерноморье в начале III тыс. до н. э. и великих передвижений, совершившихся за последующую тысячу лет. Надо вспомнить, что он, начиная с ранней статьи [Гиндин 1972], практически всегда поддерживал концепцию Р. Гусмани насчет тесных лексических связей хеттов с индоариями (но не с греками) [Gusmani 1968], из книги в книгу возражая оппонентам Гусмани (М. Майрхоферу и др.), которые пытались обесценить выявленные итальянским хеттологом многочисленные изоглоссы как якобы сохраненные в обеих группах индо-европейские архаизмы [Гиндин 1981: 24–28; Гиндин 1993: 159–160; Gindin 1999: 295–296]⁵. Теперь же, утвердившись в версии прихода пралувийцев на юг Анатолии через “протофракийскую” Троаду и в рамках общей ревизии своего “фракийского тезиса”, Гиндин заявляет, что для начала III тыс. до н. э. “протофра-

⁴ Замечательно совпадение этого фракийского топонима с именем героя Сарпедона, считавшегося древним вождем ликийцев-термиллов (Hdt. I, 173) и превращенного троянским эпосом греков в одного из участников битвы за Трою. Поскольку одноименный герой почитался и во Фракии как персонификация указанного мыса (Ard., II, 5, 9), а при этом топонимический элемент -δών- представляет сугубо северобалканское, “фракийское” в ареальном аспекте (ср. Македония, Мυυδοβία и т.п.) отражение и.-е. **gʰadhom* ‘земля’ (= хет. *tekan*, лув. клин. *tijami*, лув. иерогл. *takami*), напрашивается гипотеза, что скорее всего, образ Сарпедона сложился еще в эпоху пребывания пралувийцев на юге Эгейской Фракии, в тех местах, где мысу было присвоено это гибридное фрако-хетто-лувийское обозначение, и отсюда предки термиллов перенесли этого героя на юг Малой Азии [Гиндин–Цымбурский 1996: 260–264].

⁵ Вслед за Гусмани [Gusmani 1968: 56–58], Гиндин придавал особое значение хетто-индоарийским соответствиям из области терминологии транспорта: др.-инд. *dhūr-* ‘упряжь’ ~ хет. *turiya-* ‘запрягать’, др.-инд. *tṣā* ‘дышло’ ~ хет. *hišša* то же (при отличающихся формально и семантически авест. *aēša* ‘плут’, греч. οἴαξ, οἴητον ‘руль корабля’, οἴηκεξ ‘какое-то приспособление на ярме’ в II. XXIV, 269 и при близком к хеттской и индоарийской лексемам по значению, но различающемся с ними огласовкой слав. **oje*, -se ‘дышло’ [Frisk 1960–1970, II: 386; Rokoṇy 1959: 288]); см. подробное обсуждение хетто-индоарийской изоглоссы как эксклюзивной новации с нулевой ступенью огласовки и значением только ‘дышло повозки’ в книге Гиндина 1981 г. [Гиндин 1981: 28]. Одних этих параллелей было бы достаточно для недоверия к новой гипотезе К. Ренфрю, полагающего, что предки хеттов, якобы анатолийские автохтоны, отделились от прочих индоевропейцев, перебравшихся в Европу в VII тыс. до н. э., где праиндоиранцы обитали до 3000 г. до н. э. в единении с прагреками – в пределах так называемой “протоиндоевропейской балканской зоны”, а затем двинулись в причерноморские степи [Ренфрю 2002: 23–28]. Неужели же хетто-индоарийские термины для ‘дышла повозки’ и ‘упряжи’ надо отнести к VII тыс. до н. э.? Осознает ли археолог Ренфрю, какие странные следствия для истории материальной культуры вытекают из его гипотезы?

кийские" культурные древности Северо-Восточных Балкан должны рассматриваться в равной мере как достояние примыкавших к тому же ареалу пралувийцев; более того, для Трои той эпохи нет археологической "возможности дифференцировать протофракийское и лувийское" [Гиндин 1993: 144].

Прафракийцы рядом с пралувийцами, прахетты рядом с предками индоариев, но на некотором расстоянии от прагреков (и от праиранцев) – на этих посылках основывается впервые предложенная в книге [Гиндин 1993] и воспроизведенная в инсбрукской монографии карта-схема Причерноморья в IV – начале III тыс. до н. э. Согласно этой карте, в ту пору прахетты и севернее их пратохары должны были обитать примерно в бассейне Южного Буга, на верхнем течении этой реки, будучи отрезаны от Черного моря находившимися между нею и Днестром индо-иранцами. Восточнее в Приазовье, между Днестром и Доном, прагреки группировались с близкородственными им прафригийцами и праармянами (думаю, что напрасно в том же ряду упоминаются македонцы, скорее всего, выделившиеся из прагреческого сообщества уже по ходу освоения вплотную Балканского полуострова). Пралувийцы же обитали у моря рядом с индо-иранцами на юго-восток от хеттов. Они занимали область между Южным Бугом и Дунаем, примыкая к начинающемуся южнее Дуная прафракийскому пространству и разделяя с ним многие культурные характеристики⁶. Не вдаваясь в детальное обсуждение этой карты, замечу лишь, что из нее можно извлечь интересные импликации относительно размещения некоторых иных, непосредственно ею не охваченных праиндоевропейских групп. Так, показанное Г. Зольтой [Solta 1960] обилие армяно-германских изолексов дает основание локализовать прагерманцев до их передвижения на запад где-то к северу от греко-фригийско-армянского очага примерно на Среднем Дону. А это обстоятельство, в увязке с хетто-германо-италийскими соответствиями, значимо для ранней дистрибуции прадиалектов так называемой древнеевропейской общности.

Трансформация воссоздаваемого Гиндиным причерноморского племенного расклада IV – начала III тыс. до н. э., по его мнению, начинается с того, что пралувийцы-лукка начинают тянуться на юг и, двигаясь вдоль побережья(?), появляются в Эгейской Фракии, а затем, через проливы перемещаются в Троаду. Между тем, бросается в глаза следующее обстоятельство: названия племен на карте-схеме Гиндина размещены так, что собственно побережье Черного моря между Южным Бугом и Днестром, хотя и мыслится под индо-иранским владычеством, но картографически предстает как бы ничейной землей, открытой для смещения прагреков "со товарищи" к западу. Таким образом исход пралувийцев в первой половине III тыс. до н. э. в направлении Пропонтиды, по мысли составителя карт, стимулирует прагреков с праармянами и прафригийцами двинуться вслед "отдрейфовавшим" соседям и в свою очередь, покинув Приазовье, открыть прахеттам, пратохарам и индо-иранцам восточные пути, в частности, путь в Переднюю Азию через ущелья Кавказа (см. об этом: [Gindin 1999: 304–305] с почти дословным воспроизведением прежде изложенного в [Гиндин 1993: 166–167]). Таким способом автор пытается объяснить приводимые Т.В. Гамкрелидзе и Вяч.Вс. Ивановым хетто-лувийские формы из архивов Эблы, разрушенной примерно в 2300–2250 гг. до н. э., особенно название города *Hasuwan* или *Hazuwan*, позднее, в хеттскую эпоху *Haššuwa* (в верховьях Евфрата) < хет. *haššu* 'царь' [Гамкрелидзе–Иванов 1989: 37–38]. (Нельзя не упомянуть, что Гиндин всегда избегал прямого спора с "ближневосточной" версией индоевропейской прародины, предпочитая утверждать, что воссоздаваемая Т.В. Гамкрелидзе и Вяч.Вс. Ивановым древнейшая стадия истории этой языковой семьи, даже в случае своей реаль-

⁶ Л.С. Баюн принадлежит список фрако-лувийских, особенно фрако-ликийских параллелей, частично остающийся на уровне требующих осторожности созвучий, но, вместе с тем, содержащий до 6–7 убедительных изоглоссов, говорящих в пользу реконструкции Гиндина ([Баюн 1987], ср.: [Калужская–Цымбурский 1990: 226]).

ности, должна быть перемещена на глубину VII–V тыс. до н. э., до начала "курган-ных волн" М. Гимбутас, и лежит за хронологическими пределами его собственных научных интересов. Все прочерчиваемые на его картах миграционные стрелки для эпохи ранней бронзы неизменно исходят из Северного Причерноморья. Он уклоняется от апелляций к "ближневосточной прародине" даже тогда, когда она, казалось бы, подкупает самым простым решением, как в случаях с появлением хеттов на Верхнем Евфрате или с предположительно раннеармянской Хайасой в Восточной Анатолии XIV–XIII вв. до н. э.)

Итак, "лувийская Троя" для Л.А. Гиндина стала мыслима, когда он усмотрел в пралувийцах допустимую часть племен прафракийского (восточнобалканского) пространства. Но, сходным образом, предположение вероятного соседства пралувийцев-лукка и прагреков в Причерноморских степях с последующим поэтапным движением сперва первых, затем вторых на восток Балкан и к проливам открыла для него принципиальную возможность говорить не только о "Трое лувийской", но также и о "греческой Трое" [Гиндин 1993: 168–169], той, о которой когда-то писали К. Блеген и – до 1962 г. – Дж. Меллаарт [Blegen 1963; Mellaart 1958]. Так возникла третья, для Гиндина уже заключительная стадия его троянских разработок – стадия, как я говорил выше, воплощенная в наших двух статьях и практически вовсе не отраженная в иннсбрукском издании. О результатах, достигнутых в это время, я хочу сейчас поговорить подробнее, ибо без их учета ссылки на Гиндина как апологета "фракийской" или "лувийской" Трои выглядят произвольными, не считающимися с конечной и вершинной точкой зрения ученого на гомеровскую Трою. Впервые в фокусе нашего совместного интереса оказался в те месяцы не слой "фракийского гальштатта", предшествующий на Гиссарлыкском холме (с существенным временным разрывом, когда город лежал в запустении) греко-эолийской Трое VIII, и не раннебронзовое поселение III тыс. до н. э. – дальняя предыстория того "священного города", который ахейцы могли осаждать на исходе микенской эпохи. Нас интересовал непосредственно "Лаомедонтов город", Троя VI, с ее могучими стенами, с самого начала своего существования множеством примет культурного стиля и пристрастиями в сфере импорта ориентированная на Балканскую Грецию. Главный вопрос состоял в том, как связать этот культурный поворот в Трое (примерно с XVIII в. до н.э., по Блегену) и более ранний мощный накат на Северные Балканы во второй половине III тыс. до н. э. той миграционной волны, которую М. Гимбутас определяла как зародившуюся между Днепром и предгорьями Северного Кавказа "курганную волну IV" [Gimbutas 1974]. Вслед за М. Гимбутас, Н. Хаммонд в 1970-х годах усматривал продолжение этой волны в движении прагреческих племен на юг Балканского полуострова и распространении здесь различающихся по племенным группам форм захоронения в погребальных холмах-тумулусах [Hammond 1974].

На этом фоне мы пытались по-новому оценить феномен так называемой "серо-минийской" керамики в Трое VI и в Греции среднеэлладского периода. В 1960-х эта посуда широко использовалась К. Блегеном, Дж. Меллаартом и Л. Палмером как доказательство этнокультурного единения двух пространств, мыслилось ли их население при этом греческим или лувийским, как в маловероятной интерпретации Л. Палмера, недолгое время принятой и Меллаартом [Blegen 1963; Mellaart 1958; Palmer 1962; Mellaart 1971]. Реакция на муссирование этого аргумента не заставила себя ждать: особенно резко она выразилась в утверждениях Д. Френча и его сторонников, утверждавших, что якобы для Греции и Северо-Западной Анатолии речь должна идти о разных, лишь отчасти сходных видах посуды, развившихся в каждом ареале из особых местных прообразов [French 1974], ср. [Howell 1974]. Тем важнее то, что даже Д. Френч не исключал возможности выработки этих стилей в результате творческих связей между керамистами, работавшими по разные стороны Эгейды, и отмечал появление в Трое VI предметов среднеэлладского импорта [French 1974]. В любом случае, писали мы, «"серо-минийская" посуда значима как выражение культурно-стилевой конвергенции Трои с Грецией в первой половине II тыс. до н. э.»

и "если бы тождество троянской и греческой керамики ... было заблуждением археологов, показательно уже то, что ни одна страна, кроме Трои и соседних с нею территорий не могла бы ввести в подобное заблуждение" [Гиндин–Цымбурский 1994: 28]. Продолжение свое эта среднеэлладская культурная конвергенция обретает в том, как с начала возвышения Микен (XVII в. до н. э.), еще за 200 лет до начала собственно ахейской колонизации в Малой Азии, троянцы принимают ввозить микенские изделия. При этом вышедшая в Греции из моды "серо-минийская" керамика остается среди троянцев верхушки чертой национального культурного стиля, вдохновляя троянцев на попытки имитировать микенские керамические формы в "серо-минийской" технике обжига [Blegen 1963: 141; Blegen 1956: 16; 48].

Понятно, что при этом для нас особый интерес должны были представлять примерно 500 "темных лет" в истории Трои, соответствующих ее периодам III–V (по Блегену, XXIII–XIX вв. до н. э.) и разделяющих эпохи Трои II и Трои VI – два акматических пика в судьбе города. Нет прямых данных в пользу того, что Трою II сокрушили вторгшиеся прагреки, как допускал Дж. Меллаарт в 1958 г. К. Блеген видел в обитателях Трои III группу троянцев, продолжавших в более скудном и примитивном варианте культуру великого города, возможно, погибшего из-за внутренней смуты. В то же время многозначительно, что "темные века" Трои синхронизируются с "курганной волной IV" на Северных Балканах, разрушением раннебронзовых поселений (Эзеро, Чернавода и др.). А поскольку строительству Трои VI и большим культурным новациям в троянской столице (включая культивирование здесь коневодства) не предшествовали сколько-нибудь значительные разрушения в предыдущем слое Трои V, похоже, что именно за "темные века" в этническом составе обитателей края произошли перемены, подготовившие утверждение в городе правящего слоя с новыми культурными ориентациями и предпочтениями.

С позиции лингвистов мы смогли показать, что троянская топонимика и мифо-легендарная традиция содержат весьма архаичные греческие формы. Если иметь в виду характеристики древнемакедонского – ближайшего к греческому языка, но сохранившего этимологический интервокальный -s- (др.-макед. *τελεσιῶς* 'военный танец' < и.-е. **k^heles-ya-*, ср. греч. *τέλος*, -εος 'цель, поворотная мета', слав. **kolo*, -ese; 'Едесса < **Wedes-yH₂* 'Водная Местность') и передающего в ряде случаев индоевропейские придыхательные в виде звонких (др.-макед. *δαῖνος* = греч. *θάνατος* 'смерть', др.-макед. *αἰθή* 'небо' = греч. *αἰθήρ* и др.) – некоторые троянские грецизмы могут быть отнесены ко времени до распада греко-македонской общности, т. е., условно, к концу III тыс. до н. э. Иные же из них несут явную печать тех (пра)греко-индо-иранских контактов, которые должны были предшествовать началу движения племен "курганной волны IV" в сторону Эгеиды. Рассмотрим эти случаи.

1. Троян. *Ἀλέξανδρος* 'Защитник мужей', второе имя Париса, сюда же *Alakšanduš* – хеттская передача имени царя, правившего в Вилусе (Илионе) на рубеже XIV–XIII вв. до н. э. Практически неизвестное как антропоним в архаической и классической Греции до эпохи македонской гегемонии, оно зафиксировано в микенских табличках (MY V 659 *a-re-ka-sa-da-ra* = *Aleksandrā*), в легендах относящихся к микенским Персеидам и упоминающих некоего Александра как сына Эврисея (Ard. II, 8, 1), а кроме того как популярное царское и аристократическое имя в Македонии. Бытование этого композита в постмикенской Греции в качестве прозвания героини Александры – 'Защитницы мужей' в Лаконике и эпиклезы Геры *Ἀλέξανδρος* в Сикионе (Ard. III, 19, 6; Schol. Pind. Nem. IX, 30) дополнительно подтверждает его статус глубокого раннегреческого архаизма, в частности, охватившего Трою II тыс. до н. э. [Гиндин–Цымбурский 1994: 29–30].

2. Троян. *Κασσάνδρα*, вар. *Κασάνδρα* – имя мифической илионской пророчицы ~ македонское аристократическое имя *Κάσσανδρος*, популярное в Греции с конца IV в. до н. э., когда ею правил Касандр, сын Антипатра. А. Хойбек показал, что троян. *Κασσάνδρα* < **k^hṣti-ənṛā* (с тем же первым элементом, что сохранен у греков, например, в гом. *Ναυσί-κάα* < **Nausi-k^hṣā* 'Славная кораблями') представляет точ-

ное соответствие ведийской формулы *narām śāmsah* 'слава (от) мужей' и, далее, др.-инд. *Naraśāmsah*, эпитета Агни и Пушана, посредников между людьми и богами, а также авест. *Nairyo-saṇha*, имени Бога-Вестника [Heubeck 1957: 276]. Надо сказать, что вариант *Καὶάνδρα* может быть возведен к и.-е. **k'ns-ənra* как сохранный тро-янским преданием прагреко-македонская форма с интервокальным *-s-*, а сам образ троянской Кассандры, вѣщей, но проклятой Аполлоном и непонятной современни-кам пророчицы, способен выражать кризис мифологического мотива, истоками ух-дящего в пору греко-индо-иранской общности [Гиндин–Цымбурский 1995: 30].

3. Названия двух рек в Мисии к югу от Трояды *Καῖκος*, тур. *Bakır-çay* 'Медная ре-ка', т. е. 'Река с рыжей водой', и *Κάϊστρος*, тур. *Ak-su* 'Белая вода', т. е. 'пенящаяся, кипящая', прозрачно объясняются через греч. *καίω* 'пылаю' < и.-е. **kH₂eu-yo-*, а во втором случае прямо через сближение с греч. *καυστήρ* 'прижигатель', *καύστειρα* 'горячая, кипящая (о битве)' [Гиндин–Цымбурский 1995: 33–34].

4. Троян. *Ἰλιος*, -ov, ср. идентичные топонимы в Македонии и Фессалии (St. Byz.) – очаг расселения греков по Балканскому полуострову, и далее на Пелопоннесе *Ἰλιού ὄρος*, гора со святилищем в Лаконике (Paus. III, 24, 6–8). Учитывая восстанавливаемый зрительный образ Трои VI как города на высоком холме, обвитом цепями террас, в его названии позволительно усмотреть тот же корень, что в литовск. *vielōti* 'крутить', русск. *вилять*, белорусск. *вилиць* 'отклоняться от прямого пути', потен-циально и в греч. *ἰλλω* 'кручу' < и.-е. **wīl-yo*. Если такая этимология греч. *ἰλλω* пра-вильна, то за хетто-лувийской передачей названия Илиона в виде *Wiluša*, вар. *Wilušiya* вскрывается прагреческая форма перфектного причастия женского рода **wīlusyā (polis)* 'крутая, закрученная (крепость)' – образование, аналогичное греч. *ἰδύια* 'ведающая' < **widusyā*, др.-инд. *viduṣī* [Гиндин–Цымбурский 1995: 32].

5. Названия рек: в Трояде *Ἀλιδανός*, в Фессалии *Ἠλιδανός* или *Ἀλιδανός*, на Пе-лопоннесе *Ἀλιδών* сюда же прозвище аркадян *Ἀλιδανῆς* (St. Byz. s.v. *Ἀλία*; Hdt. VII, 129; Strabo VIII, 3, 32, IX, 5, 6), все восходят к композиту **Hepi-dāni* 'водный по-ток' (ср. др.-инд. *dāni* 'поток, жидкость', авест. *dāni* 'река', осет. *дон* то же) с фор-мульными соответствиями в ведийском (RV V, 31, 6 *apo ... dānucitrāh* 'воды ... блещу-щие потоками' и т. д.). Эта устойчивая гидронимическая формула в Греции и Трояде представляет такой же рудимент контактов прагреков с индо-иранцами, как и эпичес-кое обозначение ахейских героев *Δαναοί* 'данайцы', идентичное – с метрической ме-татезой долготы – авест. *Dānava*, названию неких приречных кочевников, вед. *Dāna-*vā** как имени группы демонов. Перед нами явный след прагреческого передвиже-ния на Балканы из Северного Причерноморья, изобилующего гидронимикой от данной основы, причем этот след захватывает Трояду [Гиндин–Цымбурский 1995: 23–34].

К этим фактам, разобранным нами с Л.А. Гиндиным незадолго до его смерти, я мог бы сейчас добавить еще два.

6. Троянский гидроним *Γρήνικος*, вар. *Γράνικος*, давно сравниваемый с греч. *κρήνη*, дор. *κράνῶ* 'источник' < **k'rsnā*, ср. вар. *κροῦνός* < **k'rosnos* с тем же значением, др.-исл. *hrqnn* 'волна' < **hrazno* [Frisk 1960–1970, 2: 16]; далее др.-инд. *grāyati* 'варить, кипятить' [Елоева 1984], на деле может представлять вовсе не "фракийское" соответствие к *κρήνη*, как раньше думали мы с Гиндиным, вслед за В. Георгиевым [Гиндин–Цымбурский 1996: 198], а просто раннегреческое образование от этой же основы (по модели, которую имеем и в *Καῖκος*) с анлаутным колебанием *kr-/gr-*, до-вольно типичным для восточнобалканского ареала: ср. во Фракии этноним *Κρηστώνες* ~ *Γραστώνες*, в Дакии название реки *Κρίσος* ~ *Grisia* и т. д.

7. Название г. *Ἄβυδος* на севере Трояды (II. II, 836, XVI, 584) и родственное ему *Ἄβυδών* в Македонии (Strabo VII, фр. 20) объясняются благодаря глоссе *ἄβυδὸν βῆθῦ* 'глубокое' (Hes.), побуждающей связать их с греч. *ἄβυθος*, *ἄβυσσος* 'бездон-ный' от основы *βυθός*, -έος 'глубь, дно моря', *βυσσός* < **βυθός* то же. Надо ска-зать, что *βυθός* – один из трудных случаев греческой этимологии. В нем обычно ли-бо усматривают метатезу и.-е. **dheub-* (лит. *dubùs* 'глубокий', *duburys* 'лощина', гот.

diups 'глубокий', латышск. *dubens* 'дно', слав. **dъbno* то же [Pokorny 1959: 267]), либо допускают связь с γυθίσσων διορύσσων 'роющий, углубляющий' (Hes.), авест. *guda* 'глубокий' < **gudh-* [Pokorny 1959: 465; Frisk 1960–1970: 276]. В последнем случае не-закономерную мену анлаутного γ- на β- пытаются мотивировать влиянием форм вроде βαθύς 'глубокий', βήσσα 'лощина', дор. βᾶσσα < и.-е. **g^hadh-* (упрощением этой основы, представленной также в др.-инд. *gāha* 'глубина', *gāhana* 'глубокий', др.-ирл. *baidim* 'погружаюсь', собственно, и считается прагреко-иранское **gudh-*). Однако с меньшим правом можно было бы предположить в βυθός < **budh-* некую вариантность по отношению к и.-е. **bhudh-* 'дно': др.-инд. *budhná*, греч. πυθμήν как случай очень раннего (праязыкового) проявления закона Грассмана. При любом решении эта основа выглядит генетически "неправильной", может быть, из-за множественности влияний, участвовавших в ее порождении, но в самой своей "неправильности" предстает отличительной, если не сказать диагностической приметой греко-македонской (ср. др.-макед. Ἀβυδών) группы. Важно, что, судя по названию Абидона, этот диалектизм затронул и Троаду, причем передача этимологического придыхательного как звонкого побуждает видеть в троян. Ἀβυδος либо прямой македонизм (что маловероятно), либо форму восходящую к состоянию греко-македонской общности (и др.-макед. Ἀβυδών с этим вполне согласуется)⁷.

Эти дополнительные факты подтверждают главный вывод, к которому мы с Л.А. Гиндиным пришли в 1994 г. – о том, что прагреки появились в Трое еще до размежевания с прамакедонцами, а значит – до начала широкого освоения Греции, скорее всего, еще в конце III тыс. до н. э. Опираясь на этот вывод, мы сделали следующий шаг – попробовали, вслед О. Каррубой, пересмотреть отношение между греческим этнонимом Ἀχαιοί и его хеттским соответствием *Aḫḫiya*, вар. *Aḫḫiyawa*, *Aḫḫiyuwa*. Обычно сторонники тождества Аххиявы с Ахейской Грецией видят в хеттских вариантах просто попытки передачи греческого слова – и это несмотря на то, что из греческого имя Ἀχαιοί никак не объяснимо, а варьирование *Aḫḫiya* : *Aḫḫiyawa* типично для малоазийской топониматики с такими дублетами, как *Haššu* : *Haššuwa*, *Zalpa* : *Zalpuwa* и т. д. Уже 40 лет назад О. Карруба, объявив *Aḫḫiyawa* названием чисто анатолийским, вместо чтения Ἀχαιοί предложил сопоставлять его с именем греков-эолийцев Αἰολεῖς, возводя последний этникон к **Aiawales* и далее к **Aḫḫiyawales* 'жители страны *Aḫḫiyawa*' с раннелидийским выпадением ларингала по тому же типу, что в лид. λαῖλας: τύραννος ὑπὸ Λυδῶν 'тиран по-лидийски' (Hes.) < хет. *lahḫiyalaš* 'воитель'. О. Карруба думал, что область будущей греческой Эолиды на анатолийском северо-западе, охватывавшей Троаду и значительную часть Мисии и Лидии, носила название "Аххиявы/Аявы" еще до того, как здесь появились выходцы из Греции, принявшие имя эолийцев [Cartuba 1964]. Обсуждая построение Каррубы, мы с Гиндиным отмечали, что он неоправданно игнорировал факты присутствия греков-эолийцев под этим именем также и на Балканах – в Фессалии (Hdt. VI, 176) и Этолии (Strabo X, 3, 4), а, кроме того, не задумывался над подмеченной еще А. Фиком соотносимостью их этнонима со старинным названием Фессалии Αἶα (St. Byz. s.v.) < **Aiwiā*. И тем не менее в предположениях итальянского ученого обнаружилось разительное "зерно истины". В 1920-х гг. Э. Форрер, анализируя известный хеттский документ начала XIII в. до н. э. "Письмо о Тавакалавасе", обратил внимание на контекст (кол. 1, ст. 12, публикацию см.: [Sommer 1932: 2 и сл.]), где к брату царя Аххиявы прилагается выражение ANA LUGAL aiawalaš. Э. Форрер истолковал этот оборот в смысле "царю над народом *aiawala*", т. е. над эолийцами [Forrer 1924:

⁷ Отражение названия македонского Абидона у Гомера как Ἀβυδών (Π., II, 849; XVI, 288) объясняется субстратной фонетической тенденцией: типичным для фракийского ареала смешением *b/m*, известным по таким примерам, как теоним Βενδῖς : Μενδῖς, гидроним Μάρυος : Βάρυος, местным названиям Βάστειρα : Μάστειρα, Δόβηρος : *Domeros* и др. [Дечев 1982: 23].

10], и ни один оппонент Форрера – даже скрупулезнейший Ф. Зоммер – не смог опровергнуть это понимание. Праформа имени, реконструируемая Каррубой, непосредственно обнаруживается в хеттском источнике в связи с темой Аххиявы.

Но при этом у нас отнюдь не вызывали сочувствия попытки некоторых видных авторов разместить Аххияву времен Хеттской империи (XIV–XIII вв. до н. э.) в приморской Анатолии, в том числе и в области Трояды [Carruba 1964: 298; Маккуин 1983: 35; Goetze 1975: карта 1; Howink ten Cate 1974]. В эту эпоху мы не находим места в Анатолии для могущественного царства, которое по силе приближалось бы к империи Хаттусаса и другим сверхдержavam позднебронзового Средиземноморья (Египту, Ассирии, Вавилону), но в то же время, находясь в непосредственной близости к хеттской метрополии, могло бы с нею геополитически "разойтись", не втянувшись в истребительную борьбу [Гиндин–Цымбурский 1996: гл. 2, 3]. Видя в Аххияве хаттусасских документов исключительно Ахейскую Грецию с центром в Микенах, с контролируемыми ею средиземноморскими островами и поселениями-колониями на малоазийской земле, мы, тем не менее, допускали, что в конце III – начале II тыс. до н. э. топоним *Aḫḫiya/Aḫḫiyawa* мог иметь иное применение. Эта "Пра-Аххиява", как ее предложил называть Л.А. Гиндин, могла примерно совпадать с областью распространения "серо-минийской" керамики в Малой Азии, непосредственно охватывая земли будущей Эолиды, с Троядой, Мисией, частично Лидией до Бейджесултана. Мы предположили, что часть прагреков, придя в Эгеиду с "курганной волной IV", заселила области "Пра-Аххиявы" и превратила туземное название этой своей промежуточной прародины в свое собственное имя. Причем это название "Пра-Аххиявы" у греков закрепилось в двух вариантах – воплотившись в этнонимах как ахейцев, усвоивших его себе в древнейшем облике с ларингалом, переданным через χ⁸. так и их сородичей эолийцев, каковые переняли от пралидийцев, по правдоподобной догадке Каррубы, вариант наименования страны с выпавшим ларингалом⁹.

Что же касается генезиса Трои VI, к написанному нами тогда я мог бы сейчас добавить один момент, ускользнувший от нас в 1994 г., – греческий миф, по которому в строительстве твердынь Лаомедонтовой Трои богами Посейдоном и Аполлоном, участвовал также герой Эак, Αἰάκος (Pind. Ol. VIII) < **Aiwakos*, собственно 'человек страны **Aiwa* (= **Aḫḫiyawa*)'.

Во время работы над статьями о прагреках в Трое Л.А. Гиндина увлекала научная перспектива, связанная с реабилитацией ранней идеи Меллаарта [Mellaart 1958], позднее многократно и несправедливо отвергавшейся самим этим археологом, – о Северо-Западной Анатолии как "промежуточной прародине" для значительной части прагреков, в конце периода ранней бронзы, после исхода из Северно-Причерноморских степей и до начала расселения основного их массива по Греции. Такая версия "промежуточной прародины" правдоподобна для предыстории эолийцев, включая их ахейскую ветвь (но с другой стороны, на севере Трояды названия Абидоса и Гра-

⁸ С принятием исходности анатолийской формы и вторичности греческой, вызывающее много споров соотношение вокализма *Aḫḫiyawa* и Ἀχαιῶν может объясняться стремлением греков сохранить звучание имени наиболее близким к привычному, анатолийскому, избежать звуковых деформаций, связанных с превращением -χῖα- > -χῖα- и последующей палатализацией заднеязычного (ср. пример такого развития в ταρασσω 'возбуждаю' < **ταράχῖω* при *ταράχῖ* 'волнение') [Гиндин–Цымбурский 1995: 19].

⁹ Наша гипотеза могла бы напомнить версию, в начале 1970-х выдвинутую Ф. Хоувинком тен Кате, насчет сосуществования в XIV–XIII вв. до н. э. "Аххиявы в узком смысле" – якобы города в Анатолии и "Аххиявы в широком смысле" – греко-микенского мира. Однако в отличие от этого автора мы не усматриваем в документах Хеттской империи упоминаний о какой-либо Аххияве, которую нельзя было бы отождествить с ахейским политическим пространством. Поэтому "Пра-Аххияву" и известную хеттам Аххияву мы датируем принципиально разными временами.

ника обнаруживают не эолийское, но типичное для ионийских и дорийских диалектов развитие слоговых сонантов). Первоначальная догадка Меллаарта лучше отвечает наличным фактам, в том числе фактам лингвистическим, чем иные интерпретации – будь то идеи самого этого автора о разных группах лувийцев в Трою VI или даже мысль Блегена о строительстве этого города контингентом греков, явившихся из уже обжитых ими Македонии или Фессалии. Последним образом древней Трои, над которым думал Л.А. Гиндин, был образ этой страны как ядровой части "Пра-Аххиявы" (она же – та самая $A\tilde{\iota}\alpha$, имя которой мигрирующие эолийцы позднее перенесли на Фессалию). Если учесть, что с анатолийского северо-запада, по легенде, происходила воцарившаяся в Микенах династия Пелопидов-Атридов и что принц из Аххиявы еще в XIII в. до н. э. мог титуловаться "царем над *айавала*", нельзя исключить мысли, будто завоевательные акции правителей позднейшей, микенской Аххиявы в Малой Азии (в частности, упоминаемая в "Письме о Тавакалавасе" борьба царя Аххиявы с хеттами за контроль над Вилусой) в значительной мере вдохновлялась памятью о "Пра-Аххияве" и никогда не обрывавшимися связями греков-ахейцев с этим регионом. В свете такой гипотезы по-новому оценивается культурная конвергенция Трои VI со среднеэлладской Грецией. А позднейшая Троянская война – по преданиям греков, последовавшая за первым "возвращением Гераклидов", наступлением в XIII в. до н. э. северобалканских негреческих племен на ахейские центры [Гиндин–Цымбурский 1996: гл. 4], – неожиданно обретает черты реконкисты, отвоевания заморской прародины [Гиндин–Цымбурский 1995: 35–36].

Монография "Троя, Фракия и народы древней Малой Азии", будучи взята вместе с последними статьями 1994-го года написания, позволяет сполна оценить достижения Л.А. Гиндина в той сфере, где он, без сомнения, сделал больше, чем любой иной автор конца XX в. В принципе каждый из трех образов Трои, в разное время разрабатывавшихся им, мог бы развиваться самостоятельно при игнорировании других. Троя – часть раннебронзовой "Пра-Фракии", археологическая родственница Эзеро, Юнаците, Караново VII, земля, покрытая фракийскими названиями, то обособляющаяся, то вновь интегрируемая часть восточнобалканского пространства. Троя – первый лувийский плацдарм в Анатолии, земля "Малой Ликии" под Идой, охраняемая Пирвой-Пейросом, сохранившая память о киликийцах и о зелейских Трѳѳес, возможно, том самом племени, что принесло в южную Ликию "труйский" язык и имя реки Ксанфа. Наконец, Троя – вероятное ядро "Пра-Аххиявы", эгейской "промежуточной прародины" прагреков, сохранившая языковые реликты эпохи греко-македонского единства, культурно породненный с Грецией город времени средней и поздней бронзы. Но для Гиндина в конце его пути ни один из этих образов не отрицал других. Идущие из III тыс. до н. э. лувийские элементы выступали частью прафракийского наследия троянцев, можно сказать, модификациями прафракийской этнолингвистической темы в троянской истории. Так, Пейрос Имбрасид, в реконструкции "Пирва на Геллеспонте", хозяин зелейского Пейросса и покровитель пришлых лукка-пралувийцев предстает у Гомера фракийским вождем, напарником того героя Акаманта, в котором воплощается "фракийский Арес". С другой стороны, общая культурная ситуация Трои VI – несомненное усвоение ее жителями имени "троянцев", отсутствие военных потрясений при обновлении стиля, плана и облика города, его погребальный обряд – трупосожжение, сближающий его и с Фракией и с хеттской Анатолией, но резко отличающий его от микенской Греции, бытовые керамические формы, во многом общие для Трои VI и Фракии и резко оттеняющие парадную "серо-минийскую" и микенскую посуду [Hodinott 1981: 58], – все работает на мысль о "слиянии отколовшейся части протофракийцев с обособившейся группой прагреков" в новую, хотя, возможно, внутренне напряженную, конгломератную общность [Гиндин–Цымбурский 1995: 31]. Такой виделась тогда Л.А. Гиндину "гомеровская Троя". Правота этого взгляда, как я полагаю, подтверждается тем, что за важными сюжетными линиями "Илиады" (линии, связанные с героями-дарданцами, "Диомедия") прослеживается

конфликт и борьба между северобалканским (с пралувийской инфильтрацией) и греческим вкладом в историю региона [Цымбурский 1996].

В заключение, следует очень высоко оценить работу немецких переводчиков и редакторов иннсбрукской монографии, сумевших местами облегчить непростой слог русского оригинала. Их труд увеличивает достоинства книги в глазах европейского научного сообщества, перед которым она замечательно представляет уровень российской индоевропеистики и российской филологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Баюн 1984 – Л С Баюн Общелувийский глагольный тип (вопросы реконструкции) // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья М., 1984
- Баюн 1987 – Л С Баюн Фрако-анатолийские языковые связи в сравнительно-исторической перспективе // Античная балканистика. М., 1987.
- Гамкрелидзе-Иванов 1989 – Т В Гамкрелидзе, Вяч Вс Иванов Первые индоевропейцы в истории предки тохар в древней Передней Азии // Вестник древней истории 1989 № 1
- Георгиев 1958 – В И Георгиев Исследования по сравнительно-историческому языкознанию М., 1958
- Георгиев-Мерперт 1979 – Г И Георгиев, Н Я Мерперт, Р В Катинчаров, Д Г Димитров Езеро Раннобронзового селище. София, 1979
- Гиндин 1972 – Л А Гиндин Некоторые ареальные характеристики хеттского. I // Этимология 1970 М., 1972
- Гиндин 1981 – Л А Гиндин Древнейшая ономастика Восточных Балкан. София, 1981.
- Гиндин 1990 – Л А Гиндин Лувийцы в Трое (Опыт лингвофилологического анализа) // ВЯ 1990 № 1
- Гиндин 1993 – Л А Гиндин Население гомеровской Трои. М., 1993.
- Гиндин-Цымбурский 1994 – Л А Гиндин, В Л Цымбурский Прагреки в Трое // Вестник древней истории. 1994. № 4.
- Гиндин-Цымбурский 1995 – Л А Гиндин, В Л Цымбурский. Троя и "Пра-Аххиява" // Вестник древней истории 1995 № 3.
- Гиндин-Цымбурский 1996 – Л А Гиндин, В Л Цымбурский Гомер и история Восточного Средиземноморья. М., 1996
- Дечев 1982 – Д Дечев Характеристика на тракийския език София, 1982
- Елоева 1984 – Ф К Елоева Этимология др.-греч. κρηνη // Античная балканистика Карпато-балканский регион в диахронии Предварительные материалы к международному симпозиуму. М., 1984
- Калужская-Цымбурский 1990 – И А Калужская, В Л Цымбурский Международный симпозиум 'Античная балканистика VI' (V Международный конгресс по фракологии) // Вестник древней истории 1990 № 4
- Маккуин 1983 – Дж Г Маккуин Хетты и их современники в Малой Азии. М., 1983.
- Мерперт 1988 – Н Я Мерперт // Советская археология 1988. № 2 – Рец на кн : Korfmann M Demircihuyuk Bd I. Mainz am Rhein, 1983.
- Ренфрю 2002 – К Ренфрю Индоевропейская проблема и освоение степей: вопросы хронологии // Вестник древней истории. 2002. № 2.
- Топоров 1977 – В Н Топоров К фракийско-балтийским языковым параллелям // Балканский лингвистический сборник. М., 1977.
- Трубачев 1991 – О Н Трубачев. Этногенез славян и индоевропейская проблема // Terra antiqua balcanica VI. София, 1991.
- Цымбурский 1984 – В Л Цымбурский Троянская Ликия и проблема этногенеза ликийцев // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. Тезисы и доклады конференции Ч I М., 1984
- Цымбурский 1987а – В Л Цымбурский. Гомеровский эпос и этногенез Северо-Западной Анатолии АКД М., 1987.
- Цымбурский 1987б – В Л Цымбурский – Linguistique balkanique, 1987, XXX, 1 – Рец на кн Л.А. Гиндин. Древнейшая ономастика Восточных Балкан. София, 1981
- Цымбурский 1996 – В Л Цымбурский Гомеровский эпос и легендарная традиция Анатолии // Азия – диалог цивилизаций. СПб., 1996.
- Blegen 1956 – C W Blegen et al Troy. V. 3. The Sixth Settlement. Princeton, 1956

- Blegen 1963 – *C W Blegen* Troy and the Trojans New York, 1963
- Carruba 1964 – *O Carruba* Ahhiyawa e altri nomi di popoli e di paesi dell'Anatolia occidentale // *Athenaeum*, 1964 42
- Čiĉikova 1971 – *M Čiĉikova* Sur la chronologie du Halstattin Thrace // *L'ethnogenèse des peuples balkaniques* Sofia, 1971
- Çabej 1977 – *E Çabej* Emri i Dardhanise dhe izoglosat shqiptaro-kelte // *Çabej E Studime gjuhësore* T IV Prishtine, 1977
- Dimitrov 1971 – *D Dimitrov* Troja VIIb2 und die thrakischen und mosischen Stämme auf dem Balkan // *L'ethnogenèse des peuples balkaniques* Sofia, 1971
- Forrer 1924 – *E Forrer* Vorhomerische Griechen in den Keilinschriften von Boghazköi // *Mitteilungen der deutschen Orient-Gesellschaft* 1924 Bd 63
- French 1974 – *D H French* Migration and 'Mynian' pottery in Western Anatolia and the Aegean // *Bronze Age migrations in the Aegean Proceedings of the First International colloquium on Aegean prehistory* Park Ridge, 1974
- Frisk 1960–1970 – *Hj Frisk* Etymologisches Wörterbuch der griechischen Sprache Bd 1–2 Heidelberg, 1960–1970
- Gardiner 1960 – *A Gardiner* The Kadesh inscriptions of the Ramesses II. Oxford, 1960
- Gimbutas 1974 – *M Gimbutas* The destruction of Aegean and East Mediterranean urban civilisation around 2300 B C // *Bronze Age migrations in the Aegean Proceedings of the First International colloquium on Aegean prehistory* Park Ridge, 1974
- Gindin 1999 – *L A Gindin* Troja, Thrakien und die Völker Altkleinasiens Versuch einer historisch-philologischen Untersuchung Innsbruck, 1999
- Goetze 1975 – *A Goetze* The struggle for the domination of Syria (1400–1300) // *Cambridge ancient history* V II Pt 2 Cambridge, 1975.
- Gusmani 1968 – *R Gusmani* Il lessico ittito Napoli, 1968
- Hammond 1974 – *N G L Hammond* Grave circles in Albania and Macedonia // *Bronze Age migrations in the Aegean Proceedings of the First International colloquium on Aegean prehistory* Park Ridge, 1974
- Heubeck 1957 – *A Heubeck* Weitere Bemerkungen zu den griechischen Personennamen auf den Linear B Tafeln // *Beiträge zur Namenforschung* 1957 Jg 8
- Hodinott 1981 – *R F Hodinott* The Thracians London, 1981
- Houwink ten Cate 1974 – *Ph Houwink ten Cate* Anatolian Evidence for West in the Late Bronze Age // *Bronze Age migrations in the Aegean Proceedings of the First International colloquium on Aegean prehistory* Park Ridge, 1974
- Howell 1974 – *R J Howell* The origins of the Middle Helladic culture // *Bronze Age migrations in the Aegean Proceedings of the First International colloquium on Aegean prehistory* Park Ridge, 1974
- Kretschmer 1896 – *P Kretschmer* Einleitung in die Geschichte der griechischen Sprache Göttingen, 1896
- Mallory 1989 – *J P Mallory* Search of the Indo-Europeans Language, archaeology and myth London, 1989
- Mayer 1959 – *A Mayer* Die Sprache der alten Illyrier Bd 2 Wien, 1959
- Mellaart 1958 – *J Mellaart* The end of the Early Bronze Age in Anatolia and the Aegean // *American Journal of Archaeology* 1958 62 1
- Mellaart 1971 – *J Mellaart* Anatolia c 4000–2300 B C // *Cambridge ancient history* V I Pt 2 Cambridge, 1971
- Meyer 1891 – *G Meyer* Etymologisches Wörterbuch der albanesischen Sprache Stassburg, 1891
- Neumann 1988 – *G Neumann* Phrygisch und Griechisch Wien, 1988
- Palmer 1962 – *L R Palmer* Myceneans and the Minoans New York, 1962
- Pokorny 1959 – *J Pokorny* Indogermanisches etymologisches Wörterbuch Bd. I Bern, München, 1959
- Solta 1960 – *G R Solta* Die Stellung des Armenischen im Kreise der indogermanischen Sprachen Wien, 1960
- Sommer 1932 – *F Sommer* Die Ahhiyawa-Urkunden München, 1932
- Tomaschek 1980 – *W Tomaschek* Die Alten Thraker Eine ethnologische Untersuchung Wien, 1980
- Watkins 1986 – *C Watkins* The language of the Trojans // *Troy and the Trojan War* Bryn Mawr, 1986